

Эмиль Вейцман

P.S. и P.P.S.

Сатира, юмор и прочее
в стихах и прозе

СУПЕР Издательство

Эмиль Вейцман

**P.S. и P.P.S. Сатира, юмор
и прочее в прозе и стихах**

«СУПЕР Издательство»

2016

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Вейцман Э. В.

Р.S. и P.P.S. Сатира, юмор и прочее в прозе и стихах /
Э. В. Вейцман — «СУПЕР Издательство», 2016

ISBN 978-5-907006-42-3

«...К 2016 году материала набралось на новый поэтический сборник с явно сатирическим уклоном. И вот тут-то мне в голову пришла интересная мысль, а почему бы не начать мою новую книжку с сатирической прозы, включающей в себя микроновеллы и микропьесы, относящиеся к периоду существования... Рима. Древнего и Третьего?! Это было бы вполне оправданно, если принять во внимание, что более шести десятков этих микроновелл и все микропьесы уже были опубликованы порознь в различных изданиях Советского Союза и России. Что ж, задумано – сделано. Что получилось, пусть решает читатель...»

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907006-42-3

© Вейцман Э. В., 2016
© СУПЕР Издательство, 2016

Содержание

От автора	6
От Цезаря до наших дней. Микророманы и абсурдистские микророманы; исключительно для интеллектуалов	7
I. Древний Рим	12
Гай Юлий Цезарь. Вступление	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эмиль Вейцман
P.S. и P.P.S. Сатира, юмор
и прочее в прозе и стихах

© Эмиль Вейцман, 2017

© ООО «Супер Издательство», 2017

* * *

От автора

Так почему же такое странное заглавие: «P.S. и P.P.S.»?

А вот почему. Издавая в 2015 году сборник своей поэзии, озаглавленный «Жестокий романс», я написал в аннотации к книге, что моё прозаическое эссе «Как делать стихи», содержащееся в ней, подводит как бы итог моей многолетней работе в области поэзии. Сборник составлялся в 2010 году, и было мне тогда 74 года. Возраст вполне почтенный – в самый раз думать о жизненных итогах. Но человек предполагает, а музы, которым я подал официальное заявление об уходе на пенсию как поэт, располагают. Ответ с Парнаса на мою просьбу последовал довольно нескоро – ни много ни мало через три года, в 2013-ом, когда мне стукнуло 77 лет. Содержание ответа божественных дам было совершенно неожиданным: «Поработай-ка ещё!» И чтобы вы думали, «мотор снова завёлся»: пошли эпиграммы, иронические стихотворения и... сонеты, причём последние в основном не сатирического содержания, а с явно скорбным оттенком, вполне соответствующим моему возрасту. Словом, получилось что-то вроде поэтического *post scriptum* и даже *post post scriptum*. К 2016 году материала набралось на новый поэтический сборник с явно сатирическим уклоном. И вот тут-то мне в голову пришла интересная мысль, а почему бы не начать мою новую книжку с сатирической прозы, включающей в себя микроновеллы и микропьесы, относящиеся к периоду существования... Рима. Древнего и Третьего?! Это было бы вполне оправданно, если принять во внимание, что более шести десятков этих микроновелл и все микропьесы уже были опубликованы порознь в различных изданиях Советского Союза и России. Что ж, задумано – сделано. Что получилось, пусть решает читатель.

Автор сборника, 15 января 2016 года

От Цезаря до наших дней. Микророманы и абсурдистские микророманы; исключительно для интеллектуалов

Умеренно длинное предисловие квазиавтора (публикатора)

В настоящем предисловии, я, Эмиль Вейцман, чистосердечно признаюсь, что не являюсь вообще-то автором нижеприведенных микророманов из древнеримской и древнегреческой жизни. Не являюсь я также и автором заключительного цикла «историй», относящихся уже к нашим временам, хотя в одной из них фигурирую в качестве действующего лица. В конце концов, если с тобою приключилась забавная история, то это совсем не значит, что автор её ты сам. А зафиксировать случившееся на бумаге не так уж и сложно для человека, кончившего школу ещё в пятидесятых годах прошлого столетия, т. е. когда учителя драили своих подопечных как следует – и двойки ставили, и на второй год не боялись оставить. «О времени и о себе» я немного расскажу ещё ниже, а пока несколько слов об античных историях. Их латинский текст обнаружил в 1945 году в Австрии один мой родственник (двоюродный дядя Финкельштейн) – участник боёв за освобождение страны от фашизма, а также и от кое-каких раритетов.

Как-то пехотная рота, в которой воевал дядя Фима, филолог, специалист по латыни и древнегреческому, преследуя в составе дивизии отступающую немецкую часть, остановилась на ночь вблизи старинного замка, брошенного своим владельцем. Что греха таить, кое-кто из личного состава этого пехотного подразделения решил устроить ревизию в средневековом баронском гнезде и в первую очередь ревизовать его продовольственный и винный погреба. Однако родственника моего заинтересовала в первую очередь библиотека замка, где он обнаружил пергамент с историями, написанными по-латыни.

Озверев за годы войны от «латыни» фронтовой, ефрейтор Финкельштейн с наслаждением погрузился в латынь серебряную, ибо, как мы, интеллектуалы, знаем, золотая латынь кончилась со смертью императора Августа, т. е. в 14-ом году нашей эры, а найденный манускрипт по оценке моего родственника был написан где-то во второй половине 1-го века нашей эры¹ – в правление то ли императора Веспасиана, то ли его сына Тита, когда серебро латыни расцвело уже пышным цветом.

Для сведения сообщаю, эпоха «серебра» для латыни кончилась в начале третьего века новой эры, в правление императора Каракаллы. Взамен пришла латынь вульгарная, которая много веков спустя сменилась медицинской латынью и в конечном итоге нашей русской. Ну а высшее проявление русской латыни – это латынь фронтовая. Так вот, озверев от фронтовой латыни, мой двоюродный дядя Финкельштейн с головою погрузился в латынь серебряную. Она оказалась с юмором, не лишённым, как ему казалось (и мне, кстати), остроумия.

Увлечённый юмором латинским, ефрейтор Финкельштейн не заметил, как начался юмор уже советский. Дело в том, что некий особист, т. е. сотрудник особого отдела, в котором, как известно, главная задача была бдеть все 24 часа в сутки, пожаловал в баронский замок, получив по своим каналам достоверную информацию о наличии в нём перспективных погребов: винного и продуктового. Прихватив с собою переводчицу, младшего лейтенанта Нину Васильцову, мобилизованную на фронт с четвёртого курса иняза, где она изучала немецкий, особист, капитан Папаев, приехал в роту, личный состав которой, за исключением ефрейтора

¹ За исключением нескольких микророманов, добавленных позднее к основному списку переписчиками (прим. публикатора).

Финкелькштейна, давно уже находился среди покрытых пылью и паутиной винных бутылок и симпатично свисающих с потолка колбас и копченых окороков. Пришлось особисту Папаеву самому искать дорогу в вожделенные погреба. Но замок-то был старинный, т. е. с большим количеством залов, комнат, переходов, потайных ходов и дверей и винтовых лестниц. А потому капитан Папаев вместе с младшим лейтенантом Ниной Васильцовой заблудился и вместо винного погреба очутился в библиотеке, где мой дядя Финкелькштейн погрузился в чтение латинского текста, позабыв обо всём на свете, включая копчености и рейнвейн.

Подойдя к ефрейтору сзади, особист заглянул ему через плечо и увидел, что человек, одетый в форму военнослужащего Красной армии, вместо того, чтобы читать на досуге, скажем, «Красную звезду» или «Правду», при свете электрического фонарика внимательно изучает какой-то иностранный текст.

«Шифровка!» – неожиданно решил Папаев. Он стремительно вытащил из кобуры свой трофейный «Парабеллум» и приставил его ствол к спине моего дяди Финкелькштейна.

– Руки, вверх!! – последовала команда особиста. Дядя Фима, погружённый с головою в латынь и решивший, что его разыгрывает кто-то из хорошо уже принявших дружков, вполне культурно ответил:

– Отстань!

Чего-чего, а такого ответа особист совершенно не ожидал. Немецкий шпион, переодетый в форму воина Красной армии и читающий шифровку, так себя вести определённо не мог. Он должен был мелко трястись от страха и обливаться холодным потом, прекрасно зная о существовании «Смерша», подобного недремлющему Аргусу, тысячеглазому Аргусу, где каждая пара глаз это капитан Папаев, майор Пронин, полковник Исаев и многие тысячи других железных чекистов.

Растерянность особиста, однако, быстро прошла. Он решил больше не церемониться, а потому выстрелил в потолок и рывкнул:

– Встать! Смирна-а-а!

Выстрел из парабеллума подобно машине времени вернул дядю Финкелькштейна из глубокого прошлого в настоящее. Он поднял голову от латинского текста, его левая рука непроизвольно в этот момент дёрнулась, и свет электрического фонаря, который был в ней зажат, осветил очаровательное лицо младшего лейтенанта Нины Васильцовой.

– А Вы кто такая? – последовал вопрос со стороны ефрейтора Финкелькштейна.

Ответ на него мой дядя получил несколько позже, так как на выстрел, произведенный особистом, в помещение библиотеки с автоматами в руках вбежало несколько человек во главе со старшиной роты Иваном Братченко, большим приятелем гвардии ефрейтора Финкелькштейна.

– Что тут происходит? – спросил Братченко и в следующий момент, увидев своего закадычного друга Фимку, без которого не пилось и не пелось, добавил. – А-а, вот ты где!

Уже затем, заметив двоих неизвестных, старшина спросил:

– А это кто такие? Ваши документы!

– Сотрудник особого отдела капитан Папаев и младший лейтенант Ваеильцова, – последовал немедленный ответ, одновременно особист полез в карман гимнастёрки за документами. – Нами задержан немецкий шпион. Прошу оказать содействие в его препровождении куда следует.

– Гвардии сержант Братченко! – представился в свою очередь приятель моего дяди, после чего, понятно, поинтересовался. – А где шпион?

– Как где? Да вот же он! – и капитан Папаев кивнул в сторону моего родственника.

– Кто шпион? Фимка Финкелькштейн?! – и тут раздался гомерический солдатский хохот.

– Отставить смех! – окрылся Папаев. – Отставить!

Особист выхватил из руки дяди пергаментный свиток с латинским текстом и затряс им в воздухе.

– А это что? А?

– Да он профессор у нас по древним языкам. Его хлебом не корми, дай только в старых книгах покопаться. Вся рота в погребках сидит, а Фимка Финкельштейн в библиотеке. Он у нас немного миш... миш... – Братченко вопросительно посмотрел на приятеля, угодившего в такую скверную историю. – Ну как это по-вашенски?... Миши, миши...

– Мишигинер, – неохотно ответил дядя Финкельштейн, начиная понимать, что тяга к древним языкам в условиях военных действий может привести к весьма скверным, современным последствиям.

– Вот-вот... Товарищ капитан! Да вы поглядите. Какая же это шифровка. Это же старинная рукопись. Даже мне понятно.

– На пергаменте, – вдруг подала голос младший лейтенант Васильцова.

– Что ещё за пергамент? – прорычал Папаев.

– Материал такой. Из телячьей кожи. Служил в Европе писчим материалом, пока бумагу не изобрели.

– Телячья кожа вместо бумаги?! Настоящее вредительство! Да за это...

Капитан Папаев при свете своего электрического фонаря стал внимательно изучать рукопись. Документ шифровку вроде бы не напоминал, но особист был натаскан на бденье, точно служебная собака на нарушителей границы. Нет, всё-таки тут следовало разобраться как следует!

– Младший лейтенант Васильцова! Ну-ка, посмотри, на каком тут языке, – обратился особист к своей спутнице.

Переводчица взяла пергамент, и тут же лучи света нескольких электрических фонариков оказались направленными на текст пергамента. Услужливые кавалеры не могли себе позволить, чтобы такая очаровательная девушка хоть чуть-чуть попортила свои глазки.

Вскоре последовал уверенный ответ:

– Латынь.

– Что ещё за латынь? Говори по-русски.

– Ну древние римляне на ней говорили и писали.

– Так и скажи – древнеримский, а то латынь какая-то. Для шифровок она годится? – поинтересовался Папаев.

Нина прекрасно знала своего непосредственного начальника и поэтому ответила, что латынь для шифровок не подходит, поскольку в настоящее время годится исключительно для медицинских рецептов.

– И потом, – добавила девушка, – тут вроде бы истории какие-то написаны. Анекдоты что ли.

– Анекдоты!?! – особист при слове «анекдоты» снова принял немедленно что-то вроде стойки, которую принимают охотничьи собаки, почуяв дичь. – Читай! По-русски читай!

– Товарищ капитан! Да у нас латынь-то всего два семестра была. На экзамене мне тройку поставили...

– Читай, говорю тебе!

Переводчица стала искать место попроще.

– Ну вот, например... Длинный денарий Цезаря. Это заголовок... Однажды Юлия Цезаря Римский сенат... Римский сенат... попросил... попросил...

– Поработать на Севере, – подсказал мой дядя Финкельштейн.

– Не подсказывать!!! – рявкнул особист. – Категорически не подсказывать! Чему тебя, Васильцова, только учили в твоём институте?

– Немецкому в первую очередь! – ответила переводчица, едва сдерживая слёзы.

– Отставить немецкий! Читай дальше.

– Поработать на Севере... В Галлии и Британии.

– Стоп! В Галлии? Британии? Что за страны такие? Они что, за полярным кругом?

– Галлия – это теперешняя Франция, – пояснила Нина. – А Британия – это теперешние Англия и Шотландия.

– Так почему же они на Севере? – не унимался дотошный особист.

– А потому что Италия на Юге, – не выдержал мой двоюродный дядя Финкельштейн.

– Молча-а-ать! Отвечать, шпион, в СМЕРШЕ будешь, когда тебя спросят... Этот самый Цезарь, что, где-то на Юге что ли имел прописку?

– Да, в теперешней Италии.

– Ага. Тогда Франция с Англией для него действительно на Севере находились. Особенно Англия. Давай дальше.

– Цезарь... Цезарь...

– Охотно согласился, – тихо шепнул переводчице дядя.

– Охотно согласился. Почему бы и нет? – сказал он. – И денюжат подзаработаю... и римская прописка не пропадёт! – последнюю фразу переводчица не столько перевела, сколько угадала по смыслу.

– Та-ак! – протянул Папаев, размышляя, не содержит ли прочитанная история антисоветчины. – Та-ак! Прописка, значит, не пропадёт...

И тут началась стрельба.

Дело в том, что отступающая немецкая часть также прекрасно знала о продуктовом и винном погребах в замке барона фон Н., а, во-вторых, командир немецкой роты получил боевое задание – захватить языка.

Немцы ориентировались в средневековом замке так же плохо, как и расположившиеся там русские, а потому заблудились и в конце концов оказались обнаруженными. Разгорелся бой, в ходе которого ефрейтор Финкельштейн проявил чудеса героизма и, в частности, спас от немецкого пленения младшего лейтенанта Нину Васильцову. Доблестные солдаты Красной армии стояли насмерть на защите баронских погребов, так что немцам пришлось убраться восвояси без рейнвейна, шнапса, копчённых колбас и копчённых языков. Но, один язык им всё же достался – в лице особиста капитана Папаева, и, таким образом, инцидент с латинской рукописью оказался исчерпанным.

За проявленный в бою героизм ефрейтора Финкельштейна наградили дважды. Первой наградой был – орден Славы II степени, вторая же награда нашла героя уже после войны – в Москве. Ею стала Нина Васильцова, вскоре вышедшая замуж за моего дяденьку. Латинский текст также приехал в Москву. Дядя очень дорожил рукописью и всё порывался сделать литературный перевод на русский язык записанных на пергаменте историй. Тётка же Нина всячески препятствовала этому – очень уж ей запомнился момент знакомства со своим ненаглядным Фимочкой; кто знает, начнёт он перевод, а тут тебе на голову очередной капитан Папаев: «А чем это вы, профессор Финкельштейн, заняты? Переводом с латинского? Так-так. Что-то русский текст напоминает антисоветчину, замаскированную под античные историйки. Вам их, наверное, ЦРУ прислало для распространения. Да и всякие приглашения вам из Америки всё сыплются. На всякие там научные симпозиумы...»

Et cetera, et cetera. Это я по-латыни.

Дядя Фима, как вы понимаете, был мужиком неробкого десятка, но просьбы своей супруги обычно уваживал, ибо очень пёлся о её здоровье и настроении. Но вот началась перестройка, и тётка Нина наконец дала «добро» на перевод, который дядя Фима и поспешил осуществить, причём актуальность античных микроисторий с каждым днём неудержимо возрастала, напоминая чем-то рост стоимости доллара относительно рубля. В этом, надеюсь, читатель сможет убедиться сам.

Спустя несколько месяцев после завершения вожденной работы мой дядя скончался. Латинская рукопись и русский перевод текста достались мне, и я решил подготовить последний к изданию, снабдив его собственными комментариями и примечаниями.

Я также счёл необходимым дополнить античные микроновеллы современными историйками; одна из них приключилась лично со мной. Подобным дополнением (может быть, было бы правильной сказать, приложением) я хотел подчеркнуть поразительное зачастую сходство нашей жизни с жизнью древних латинов и их греческих современников. Чего только стоит факт широкой известности Егора Гайдара во времена божественного Юлия Цезаря? Не верите? Что ж, прочтете и убедитесь.

Итак, микроновеллы из жизни древнего Рима, Третьего Рима и древней Греции. Перевод с латинского профессора Е.А. Финкельштейна. Обработки, примечания, комментарии и публикация мои, т. е. Э. В. Вейцмана.

I. Древний Рим

Гай Юлий Цезарь. Вступление

1. Цезарь – директор римской филармонии

Отслужив в армии 25 лет, Цезарь вышел в отставку, и римский сенат предложил Гаю Юлию место директора столичной филармонии.

На дворе стояли конец первого тысячелетия до нашей эры и римский застой.

Однажды утром римский симфонический оркестр репетировал симфонию Помпония. Один оркестрант был не занят в первой части музыкального произведения. Поэтому в его нотах вместо бемолом, диезов и других нотных знаков было жирно начертано по-италийски «tacet» (тачет) – не играет.

Этот самым музыкант с тачетом торчал в фойе у мусорной урны, курил и что-то бормотал себе под нос. Здесь-то и застал его новый директор Римской филармонии.

Как известно, Гам Юлий был поборником железной дисциплины как в армии, так и на гражданке. А тут вдруг музыкант плюёт себе в потолок в переносном смысле и в мусорную урну в самом прямом.

– Ты кто? – спросил Цезарь.

– Луций!

– Вижу, что Луций! – Цезарь знал всегда в лицо своих солдат. – Инструмент какой?

– Большой барабан.

– Стучишь, значит. А почему не в деле? – Цезарь кивнул в сторону репетиционного зала.

– Тачет у меня, – буркнул в ответ музыкант.

– Если ты, любезный, болен тачетом, – отчеканил Гай Юлий, – то походи к врачу и возьми бюллетень!

2. Великое начало

Именно назначение Гая Юлия директором Римской филармонии явилось великой отправной точкой его блистательной военно-политической карьеры, которая завершилась мартовскими идами (44-го года до нашей эры). Через три месяца после назначения Цезаря на должность в Риме состоялись выборы на альтернативной основе в высший законодательный орган республики – сенат. Гаю Юлий был выбран в него от общественной организации – Римского музыкального общества.

3. Магические слова

Однажды, после форсирования Рубикона Цезарем и вступления его легионов в Рим, начальник сенатской охраны спросил Гая Юлия:

– О Цезарь! Мне так хочется войти в историю. Как сделать это?

На это последовал такой ответ:

– Есть много путей, чтобы увековечить своё имя. Самый лёгкий такой. Сегодня, спустя несколько часов после начала заседания в сенате, войди в зал и произнеси два слова...

– Назови их мне, о Цезарь! – воскликнул честолюбец.

– Так слушай, Секст. Вот они: «Караул устал!».

Финансовая и социально-экономическая политика Юлия Цезаря

После форсирования Рубикона Гай Юлий стал фактически главою государства римского, но одновременно он очень любил занимать по совместительству различные государственные посты. Особенно пришёлся ему по душе пост министра финансов (выражаясь современным языком). Вот какие истории приключились в Римской Республике в ходе правления Цезаря и проведения им экономических реформ, когда он перевёл всю экономику страны с классического принципа деньги-товар-деньги на модернистский принцип: деньги – воздух – деньги, и в конечном итоге на суперпринцип: воздух – деньги; воздух – деньги; воздух – деньги...

4. Хлопковое дело

Во время пребывания Цезаря на посту министра финансов осложнилась обстановка на Ближнем Востоке, и из Египта в Римскую Республику перестал поступать хлопок. Благодаря этому в Риме возник острый дефицит на постельное бельё и прочие изделия из натурального хлопка. По городу поползли слухи, что цены на простыни, наволочки, полотенца и т. п. должны резко подорожать. Тогда с опровержением слухов выступил Гай Юлий. Он сказал:

– Римляне! Постельное бельё является первой необходимостью. А потому цены на него подняты не будут.

Прошло несколько лет, а ситуация с постельным бельём не улучшилась. В один прекрасный день цены на него были резко подняты. Тогда разгневанные римляне пришли на форум и потребовали ответа от Цезаря.

– Цезарь! – сказали они. – Ты же обещал...

– Благородные сограждане! – отвечивал Цезарь. – Да, я обещал не поднимать цены на постельное бельё, когда оно являлось предметом первой необходимости. Но за несколько лет Вы отвыкли спать на простынях и пользоваться полотенцем. Постельное бельё и прочие изделия из натурального хлопка перешли из разряда предметов первой необходимости в разряд предметов роскоши. А поднимать цены на предметы роскоши велит сам Меркурий!

5. Рим – страна чудес

Однажды в сенате римском в очередной раз не оказалось кворума, и разгневанный Цезарь решил разобраться с каждым прогульщиком в отдельности. Дошла очередь и до престарелого сенатора Публия.

– Ну, старик, – сказал Цезарь, – почему ты не явился на последнее заседание сената?

– О Гай Юлий! – отвечивал Публий. – Меня две недели в Риме не было – искал слабительное по всему Апеннинскому полуострову.

– Ну и как, нашёл?

– Увы, нет, – печально ответил сенатор.

Тут Цезарь в сердцах воскликнул:

– Воистину Римская Республика – страна чудес и парадоксов. Полки продовольственных магазинов пусты, а слабительного всё равно не хватает!

6. Большие надежды

Однажды Гай Юлий, проезжая мимо римского биржевого центра, увидел громадную толпу граждан, пытающихся попасть внутрь здания.

– Квинт! – обратился глава государства к своему личному возничему. – Останови лошадей и походи узнай, акции какого предприятия выставлены сегодня на аукцион.

Вернувшись через минуту-другую, возничий доложил первому лицу государства:

– О, Цезарь! Сегодня выставлены на аукцион акции завода имени Лукулла – небольшого предприятия, производящего туалетную бумагу. Конкурс невероятный. Дай бог Меркурий, за два ваучера получить хотя бы одну акцию с номинальной стоимостью 1000 сестерциев.

– О, Церера! – радостно воскликнул глава государства римского. – Если стоит такой ажиотаж на аукционе акций предприятия по производству туалетной бумаги, то, стало быть, расцвет римского агропромышленного комплекса не за горами!

7. Уроки арифметики

Сразу же после прихода Юлия Цезаря к власти в сенате римском приступили к обсуждению ситуации в народном образовании. В частности, был отмечен низкий уровень арифметических познаний жителей империи.

– О, Цезарь! – обратились отцы-сенаторы к лидеру государства. – Каким образом в максимально короткие сроки научить римлян хорошо считать?

– Ничего нет проще, – отвечивал Гай Юлий. – Надо прежде всего поближе познакомиться римлян с астрономическими цифрами. С этой целью я отпущу завтра цены и зарплату и тем самым стимулирую гиперинфляцию в государстве. Через какие-нибудь полтора-два года римляне научатся считать до многих миллионов и миллиардов и даже до триллиона. А там, глядишь, и до квадрильона доберутся.

8. Цезарь отпускает цены

Едва Цезарь отпустил цены, как они не замедлили воспользоваться предоставленной им свободой и подскочили по всей республике в среднем раз в десять. Так, например, колбаса «этрусская», стоившая до либерализации цен десять сестерциев за килограмм, поднялась в цене аж до 500 сестерциев за тот же вес. Понятно, что возмущённые римляне бросились на форум и потребовали ответа от правительства реформ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.